

С О О Б Щ Е Н И Я

Ш. А. БОГИНА, В. Ю. КРУПЯНСКАЯ

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНОГРАФИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ ГОРОДА И ПРОМЫШЛЕННОГО ПОСЕЛКА

*(По материалам симпозиума VII Международного конгресса
антропологических и этнографических наук)*

В последние десятилетия и в Советском Союзе, и за рубежом внимание ученых все более привлекает исследование жизни городского населения, все чаще обращаются к этой тематике и этнографы. И это не случайно. При бурных темпах урбанизации, охватившей в настоящее время большинство стран мира, стало особенно очевидным, что невозможно изучать сейчас жизнь какого-либо народа, оставляя без внимания городское население, особенности его общественного и семейного уклада, материальной и духовной культуры. Исследование все возрастающего влияния городской культуры на культуру народов в целом — одна из важнейших и специфических проблем этнографической науки. Поэтому большое значение приобретает выяснение того ареала, на который распространяется всестороннее воздействие города и с которым город зачастую связан, как с источником пополнения рабочей силы. Изучение взаимодействия города и деревни — один из важнейших аспектов данной проблемы. Значительный интерес в этом плане представляют промышленные поселки, как форпосты городской культуры, играющие огромную роль в преобразовании жизни сельского населения. Этой теме посвящено за последнее время, пожалуй, наибольшее число этнографических исследований¹.

Большое внимание к данной проблеме ярко проявилось в работе VII Международного конгресса антропологических и этнографических наук, вызвав специальное обсуждение на симпозиуме по этнографии города и промышленного поселка². Кроме этнографов, в работе симпози-

¹ Интересные исследования в этом отношении проводятся в Польше и Чехословакии. См.: D. Dobrowolska, *Studium života a kultúry robotnickej triedy v polskej vede*, «Slovensky narodopis», 1957, № 3—4; K. Fojtik, O. Sirovátková, *Rosicko-Oslavansko*, Praha, 1961; «Kladensko, Život a kultura lidu v průmyslové oblasti», Praha, 1959. Изучение г. Готвальдова и его промышленного района проводилось филиалом Института этнографии и фольклористики в г. Брно. Работы в этом направлении ведутся и в СССР, например, исследование, начатое казанским Институтом языка, литературы и истории АН СССР в районе богатейшего месторождения нефти, открытого в юго-восточной части Татарии в 1940 г. См. также сб. «Верхний Олонец — поселок лесорубов», М.—Л., 1964.

² См. В. Ю. Крупянская, М. Г. Рабинович, *Этнография города и промышленного поселка*, «Сов. этнография», 1964, № 4. В работе симпозиума приняли участие как советские, так и зарубежные ученые, в том числе делегаты Англии, США, Японии, Чехословакии, Польши, Болгарии.

ума приняли участие социологи, географы, экономисты, философы. Этот наметившийся контакт между представителями смежных специальностей весьма симптоматичен и свидетельствует о назревшей необходимости комплексного подхода к изучению столь сложного организма, каким является город.

Как показали развернувшиеся на симпозиуме прения, наибольший интерес вызвали вопросы, относящиеся к изучению этнического состава городов и в этой связи постановка проблемы этнических процессов. В этом плане и в СССР, и за рубежом ведутся интереснейшие исследования. Важный материал для выяснения процесса этнических сближений дает изучение бурно индустриализирующихся в настоящее время еще слаборазвитых стран, важнейшие экономические районы которых являются и районами наиболее интенсивной этнической консолидации. Городам в этом процессе принадлежит главная роль³.

Ряд интересных явлений наметился за последние годы в высоко развитых странах, в частности в США, где, впрочем, они наблюдались и ранее. Однако последний период отмечен особенно большим притоком в города США крупных этнически дискриминируемых групп населения — негров, пуэрториканцев и др. При этом, что отмечается и в ряде американских работ по микрогеографии городов, происходит перераспределение социально-этнического состава населения отдельных частей (поясов и секторов) города: состоятельные слои переселяются на периферию города и в пригороды, а центральные жилые кварталы все более заселяются низкооплачиваемыми группами населения; именно здесь быстрее создаются переуплотненные негритянские кварталы, имеющие много черт социально-этнического «гетто». Подобные явления, тормозящие интеграцию негров в американской нации, должны привлечь пристальное внимание этнографов, тем более, что они характеризуют несколько иные процессы по сравнению с урбанизацией в слаборазвитых странах, где она гораздо непосредственней ускоряет национальную консолидацию⁴.

В плане изучения этнических процессов серьезного внимания заслуживает и постановка проблемы о взаимовлиянии этнических элементов в процессе становления и развития национальной культуры и складывания новых ее форм; причем следует учитывать специфику этих процессов на различных этапах общественно-экономического развития.

В этом отношении интересен предпринятый советскими учеными опыт изучения городов Средней Азии, многие из которых ко времени Великой Октябрьской социалистической революции еще сохраняли характер феодальных центров. Таковы исследования О. А. Сухаревой, сообщение о которых на симпозиуме вызвало живейший интерес. Говоря об этническом составе населения феодального города (на примере Бухары), О. А. Сухарева указала на характерную черту феодального города, заключающуюся в том, что наряду с процессом ассимиляции, проходившим тем интенсивнее, чем менее компактную группу представляли переселенцы, здесь создавались условия и для значительной изоляции более поздних включений. Этому способствовали довольно

³ О том, насколько широко ведутся эти исследования за рубежом свидетельствуют материалы Международной конференции ООН, проходившей в 1963 г. в Женеве (см. публикации этой конференции, хранящиеся в Фундаментальной библиотеке общественных наук АН СССР, секция G, Социальные проблемы и урбанизация); интересна в этом отношении и статья О. Скалниковой «Этнографическое изучение перемен в быту африканского города» («Сов. этнография», 1963, № 5).

⁴ Этой теме посвятил свое выступление на симпозиуме В. В. Покшишевский (СССР).

большая численность переселившихся, сосредоточение в их руках определенной профессии. Большое значение для изоляции имели религиозные различия. Все это выражалось в слабых связях с остальным населением города, в практике заключения браков в своей среде и вело к обособленности быта, консервации традиционных обычаев и т. д.

Иные процессы характерны для эпохи социализма. При бурном росте городского населения, пестрого по своему национальному и территориальному составу (сосредоточению в городах уроженцев различных областей), большое распространение получают смешанные браки, двуязычность или многоязычность горожан. Усиливается культурно-бытовое единство всех социальных прослоек городского населения, наблюдается все большее их слияние.

Те же по существу процессы отмечены и К. Х. Ханазаровым на примере Ташкента с его былым делением на «новый» и «старый» город. Опираясь данными переписей 1926 и 1959 гг. (а также анкетным опросом 1962 г.), К. Х. Ханазаров указал на те огромные изменения, которые произошли за этот промежуток времени в национальном составе этих двух частей города. Стирание различий между старой и новой частями города нашло свое отражение в сближении населения обеих частей, как бы в их взаимопроникновении в национальном отношении, а также и в том, что в обеих частях города процентные показатели смешанных межнациональных браков стали почти одинаковыми.

Следует отметить, однако, что изучение современного города в этнографическом аспекте пока еще только начинается. За рубежом — в США и других капиталистических странах — современный город и его быт являются предметом социологических исследований, опирающихся на метод статистического анализа, и по этой тематике имеется огромная литература. С интересными сообщениями о характере социологических и этнографических исследований города, проводимых в Японии и США, выступили на симпозиуме В. Ньювел (Япония) и С. Данн (США), подчеркнувшие, что изучение современных городов высокоразвитых стран ведется преимущественно социологическим методом, где большую роль играют количественный анализ, анкетный опрос, моделирование и т. д.

Методика же этнографических исследований еще мало разработана. Смыкаясь в ряде вопросов с социологией, этнография вместе с тем исходит в изучении города из специфики своих задач, чем и определяется круг разрабатываемых ею проблем и особенности методов их исследования. В этом отношении пока делаются лишь первые шаги, — вот почему каждый конкретный опыт представляет большой интерес.

На симпозиуме вопросу о задачах и методике изучения городов были посвящены выступления Х. Н. Гандева (Болгария) об изучении культуры и быта горняцкого города Перник; О. Скалниковой (ЧССР) о сравнительном изучении семьи и свадебной обрядности в горняцком и металлургическом городах Оставской области; Л. А. Анохиной и М. Н. Шмелевой (СССР) о проблематике исследования современного русского города⁵; С. Циммерманиса (Латвийская ССР) об изучении современного латышского города. Особенно интересным было сообщение К. Фойтика (ЧССР), явившееся результатом проведенной им большой работы.

⁵ См. Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева, Проблемы этнографического изучения современного русского города, «Сов. этнография», 1964, № 5.

Характеризуя свой исследовательский метод, К. Фойтик подчеркнул, что этнографию города нужно изучать во всей совокупности социально-экономических условий, при историческом подходе к исследуемым явлениям, используя при этом разнообразные источники: непосредственное наблюдение, всестороннее изучение семьи в ее поколениях, архивы, статистико-экономическую литературу, статистические данные и т. д. Однако сведений государственной статистики, по его мнению, недостаточно, так как, оперируя средними цифрами, она не учитывает расслоения крестьянства, из которого черпалась рабочая сила данного района. Особой разработки, по глубокому убеждению Фойтика, требует метод детального этнографического наблюдения.

Исходя из своего опыта изучения городов Брно и Готвальдова, К. Фойтик считает, что при таком сложном объекте, каким является город, необходимо изучать его по частям. Так, при изучении г. Брно, возникшего из старого небольшого города, вобравшего в себя с течением времени большое число прилегающих к нему деревень, К. Фойтик разделил всю территорию современного города на 28 секторов (или предместий, часть которых возникла на базе прежних деревень). Изучение велось по отдельным кварталам предместья, причем в каждом из них было выделено известное число домов для детального и всестороннего изучения уклада жизни населения. В дальнейшем на основе подобных монографий по отдельным секторам возможен переход к обобщениям по городу в целом. Лишь при таком подходе, по мнению исследователя, можно более четко нащупать этнографический аспект в изучении быта современного города.

Эта точка зрения высказывалась и другими участниками симпозиума, отметившими, что этнографические и социологические исследования наиболее продуктивны в тех случаях, когда они базируются на изучении небольших групп населения, чем обеспечивается большая глубина и детальность анализа, позволяющего в дальнейшем переходить к обоснованным обобщениям. Наиболее полно и принципиально эта точка зрения была высказана прогрессивным английским ученым Р. Франкенбергом, поделившимся на симпозиуме своим опытом изучения двух рабочих поселков Уэльса и неоднократно выступавшим по этим вопросам в печати, в частности в сделанном им обзоре исследований английских поселков⁶. Поскольку исследования Р. Франкенберга почти неизвестны читателю, остановимся на них несколько подробнее, базируясь не только на его высказываниях по этому поводу на симпозиуме, но и, главным образом, на его опубликованных работах.

Р. Франкенберг ставит общий вопрос о соотношении микро- и макросоциологии. Исследование целого ряда разнородных поселений, по его мнению, может в своей совокупности дать характеристику социальной жизни страны. Каждое такое поселение является частью обширного комплекса, который можно изучать в его отдельных проявлениях, но в то же время обладает индивидуальными характеристиками. Здесь, в сущности, возникает проблема диалектики частного и общего. «Согласно известному парадоксу, только самое интенсивное изучение очень ограниченных участков общественной жизни делает возможной самую обширную сравнительную работу» — такими словами заканчивает Р. Франкенберг свою обзорную статью, подводящую итог исследованиям английских поселков.

⁶ R. Frankenberg, *British Community Studies; Problems of Synthesis* (1964) — ротопринт.

Р. Франкенберг особо подчеркивает необходимость сочетать детальные «социально-антропологические» исследования отдельных групп людей с изучением их истории и общей социологии, использующей статистические и другие данные. И, что очень важно, он стремится привнести в изучение общественной жизни современных городских поселений опыт этнографического исследования, главным образом — внимание к процессам изменения, которым, пишет он, отличается английская этнография, тогда как социология подчеркивает статику.

С этих точек зрения Р. Франкенберг рассматривает в сделанном им обзоре ряд работ об общественной жизни поселков разного типа, начиная с появившихся еще в 1930-х гг. книг Аренсберга и Кимбола об ирландской деревне. В 1950-х и 1960-х гг. работ этого профиля становится гораздо больше. Наряду с книгами о сельском населении Англии и Уэльса издаются исследования о городах. Характерно, что книга об йоркширском шахтерском городке, названная «Уголь — наша жизнь», написана двумя этнографами и социологом⁷. Изученный Маргарет Стейси торгово-промышленный город Бэнбери⁸ Р. Франкенберг считает своего рода микрокосмом, Англией в миниатюре — так богато представлены в нем различные отрасли хозяйственной деятельности и так сильна социальная дифференциация. Жителей Бетнал-Грина, рабочего района лондонского Ист-Энда, исследование которого ведется под руководством Рут Гласс, Р. Франкенберг называет даже «ирокезами английской городской этнологии».

В этой цепи работ большой интерес представляет книга самого Р. Франкенберга «Поселок на границе»⁹, сообщение о которой было сделано на симпозиуме. Объектом исследования явился валлийский поселок, лежащий на границе Северного Уэльса и собственно Англии, которому автор дал название «Пентредивейт», что в переводе с валлийского значит «деревня без работы». Это вовсе не значит, что поселок населен безработными. Прежде его жители трудились на окружающих поселок сланцевых разработках, каменоломнях, шерстепрядильных фабриках. Но в начале 1930-х гг., после экономического кризиса, местные отрасли промышленности стали хиреть и в послевоенные годы совершенно заглохли. Местные жители работают на предприятиях и стройках близлежащих городов, в том числе на территории собственно Англии и ежедневно совершают туда и обратно долгие путешествия на автобусе. Это обусловлено крупными экономическими переменами, произошедшими в Уэльсе после второй мировой войны.

При очень детальном анализе общественной жизни Пентредивейта этот поселок отнюдь не рассматривается Франкенбергом как нечто самодовлеющее. «Различия экономических и социальных классов Уэльса отражаются в общественной жизни Пентредивейта, а классовое разделение, возникающее в ходе внутреннего развития Пентредивейта, играет роль в определении общественной структуры всей Англии и Уэльса» — пишет автор (стр. 11). Если прежде Пентредивейт походил по своей изолированности на деревню, то теперь он все больше напоминает рабочий район современного индустриального города, где люди живут, но не работают, а производственный коллектив для них важнее соседских связей.

⁷ N. Dennis, F. Henriquer and C. Slaughter, *Coal is Our Life*, London, 1957.

⁸ M. Stacey, *Tradition and Change*, Oxford, 1960.

⁹ R. Frankenberg, *Village on the Border. A Social Study of Religion, Politics and Football in a North Wales Community*, London, 1957.

Отсюда вытекает подчеркиваемое Франкенбергом важное разделение жителей поселка по типу социальных связей. Мужчины проводят день вдали от дома, работа сближает их с жителями других поселков Уэльса, с англичанами, с иммигрантами из других стран. Они склонны искать и развлечения в тех более крупных центрах, где работают. Женщины остаются в поселке, они же поддерживают и соседские связи. Сохранение общности жителей поселка как коллектива (*community*) зависит преимущественно от них. Жители Пентра, как сокращенно называет поселок автор, все в родстве или свойстве между собой, и родственные связи культивируются также, главным образом, женщинами. В ряде случаев мужья хотели бы переселиться поближе к месту работы, но жены предпочитают оставаться в Пентре. Привязанность к родному поселку, к долине, в которой он лежит, приверженность к местным традициям гораздо сильнее среди женщин. В силу всего этого семья далеко не всегда выступает в жизни Пентра как общественная единица.

Жители Пентра по преимуществу рабочие. Но в поселке и вокруг него есть люди, которых исследователь называет «посторонними» — посторонними прежде всего по классовой принадлежности. В прошлом это представители эксплуататорских классов — помещики, владельцы каменоломен и т. п. При этом классовое угнетение переплеталось в Уэльсе с национальным и религиозным. Помещики были англичане и принадлежали к англиканской церкви, в пользу которой многие десятилетия взимались налоги с местного трудового населения — валлийцев, исповедовавших вероучения различных сект. Ныне ни помещики, ни англиканская церковь не имеют прежней власти. К «посторонним» Франкенберг относит крупных и средних буржуа, чиновников, лиц свободных профессий и т. д., которые «своими» в поселке не считаются.

Большинство коренных пентрцев является по религиозной принадлежности нонконформистами, т. е. приверженцами сект. К числу самых распространенных из них относятся баптистская и методистская. Но и англиканская церковь не является более уделом высших классов. К ней принадлежат многие трудящиеся пентрцы. При этом богословские расхождения между вероисповеданиями уже не играют большой роли, важнее традиции, привычки, соображения респектабельности. Люди, не принадлежащие ни к какой церковной организации, предпочитали, чтобы опрашивавший их на этот предмет Р. Франкенберг записывал их как прихожан англиканской церкви. Видимо, и религиозное чувство не так уж сильно. Но бытовые традиции, объединяющие членов одной и той же секты, столь прочны, что браки в этой среде по большей части носят эндогамный характер.

С религиозным разделением отчасти совпадает гораздо более важное разделение по языку. Жители Пентра пользуются валлийским языком (*Welsh*). Английский язык был в свое время принесен в Уэльс эксплуататорскими классами и навязывался местному населению. Поэтому валлийский язык стал не просто средством общения, а «символом национального единства» (стр. 30). Более того, это зачастую язык народный, язык рабочего населения. Автор подчеркивает эмоциональную ценность его для жителей Пентра, где этот язык применялся не только в домашней жизни, но и на собраниях ряда общественных организаций, в школе и т. д. Несколько иначе стоит языковый вопрос в Южном Уэльсе, одному из рабочих поселков которого посвящен ряд страниц в упоминавшейся уже обзорной работе Р. Франкенберга и о котором также говорилось и в его выступлении на симпо-

зиуме. Южный Уэльс, старый промышленный район, претерпел за последние десятилетия еще большие перемены, чем Северный Уэльс, в котором расположен Пентр. Во время второй мировой войны туда были переведены многие предприятия из восточных районов Великобритании, а в последующие годы возникли новые отрасли обрабатывающей промышленности, на современной технической основе, которые и определяют ныне экономическое лицо этого района¹⁰. В связи с этим там появилось много пришлого населения, а безработица, свирепствовавшая в этом районе в 1920—1930-х гг., заставила многих местных рабочих переселяться в Англию — временно или постоянно. Экономические и бытовые связи исследованного Р. Франкенбергом южноуэльского поселка гораздо шире, чем Пентрэдивейта. В поселке говорят на валлийском языке главным образом в повседневном обиходе, читают и пишут на нем гораздо реже. Во всем районе на заводах, шахтах, в профессиональных и других рабочих организациях применяется английский язык. Жители поселка дорожат валлийским языком, считают, что их дети должны знать его, но предпочитают учить их в английской школе. Отношение их к этому языку не отличается такой эмоциональностью, как в Пентре. Культивирует его главным образом местная национальная интеллигенция, которая, однако, при общении с соседями не решает применять литературный валлийский язык, а пользуется разговорным. Она же преимущественно и посылает своих детей в школу, где преподавание ведется на «уэлш», и организация которой вызвала в поселке резкое недовольство.

Впрочем, и в Пентре позиции «уэлш» не так уж устойчивы. В них «отражается с точки зрения культуры экономическое и политическое положение Пентра на границах Уэльса и Англии, деревни и города» (стр. 33). Следует заметить, что вообще вопрос о судьбе этого языка, как существенная часть вопроса о национальных меньшинствах Англии, возбуждает в этой стране живой интерес. Недавно вопрос этот рассматривался на страницах теоретического журнала английской компартии¹¹. Там, в частности, отмечается, что по данным переписей, число лиц, говорящих на «уэлш», упало за 70 лет с 50 до 26% населения Уэльса (стр. 248). Р. Франкенберг также отмечает в своей книге размывание языковых и вероисповедных различий в Пентре. Многие живущие здесь рабочие уже не пользуются «уэлш».

Интерес представляет и другой поднятый Р. Франкенбергом вопрос — о деятельности общественных организаций Пентра. Автор показывает, как влияют на эту деятельность конфликты между теми же исторически сложившимися классовыми группами. Водораздел проходит между низшим органом самоуправления, приходским советом и следующими за ним по иерархической лестнице административными органами графства. Приходской совет состоит из рабочих. Дела его ведутся преимущественно на валлийском языке. Он отлично знает местные нужды и желания избирателей, но практически почти бессилен. Стоящие выше него и располагающие гораздо большей властью административные органы комплектуются главным образом из представителей имущих классов, которым чужды интересы масс населения.

Большое значение придает Р. Франкенберг организации в Пентре развлечений и спорта. В поселке последовательно возникают и рас-

¹⁰ B. Thomas, A Transport Revolution in Wales, «The Geographical Magazine», London, January 1965, стр. 649.

¹¹ T. Enright, Britain's Minority Languages, «Marxism Today», London, August 1964, стр. 246—254.

падают футбольное общество, духовой оркестр, комитет для устройства карнавала и т. п. Самодеятельностью такого рода поселок, по мнению автора, пытается сохранить и утвердить себя как коллектив, что для него особенно важно, так как производственным коллективом он более не является. Пентрцы стараются не отставать по футболу и т. д. от соседних поселков и повысить свой престиж в районе. В организации самодеятельности еще более, чем в администрации, проявляются все противоречия и различия, разделяющие жителей поселка, причем в основе лежат опять же различия классов. С ними переплетаются родственные и соседские связи и споры. Все это рассматривается Р. Франкенбергом самым детальным образом.

На примере Пентра Р. Франкенберг выдвигает концепцию «чужака». При возникающих в общественной жизни пентрцев конфликтах, они стараются свалить вину на «чужого» и этим подчеркнуть единение «своих». Роль «чужого» могут играть «посторонние» из местных имущих классов и интеллигенции или приезжие. В этой роли оказался и сам автор, председательствовавший некоторое время в футбольном комитете.

Р. Франкенберг прожил в поселке Пентредивейт один год. Его исследование явилось результатом длительного наблюдения объекта «изнутри», даже некоторого участия в общественной жизни населения. Такой метод исследования, практикуемый в этнографии, применим, по его мнению, и в социологии. В своем выступлении на симпозиуме Франкенберг особенно подчеркивал важность именно этих непосредственных наблюдений, хотя, конечно, они не исключают метода опроса и использования в необходимых случаях статистики, о чем свидетельствуют приведенные им в монографии материалы. Из огромного круга явлений Р. Франкенберг сумел отобрать те, которые особенно ярко вскрывают внутренние изменения, происходившие в самом коллективе, в характере его общественных связей, его самосознания, традициях, выявляя при этом социальные и этнические процессы. Он высоко ценит изучение драматических коллизий, кризисов в жизни той или иной группы, когда в ограниченный период времени могут проявиться существенные тенденции, свойственные не только данной группе, но и всему «сложному индустриальному обществу». Здесь, подчеркивает он, необходимо точнейшее наблюдение; схема расположения участников подобного драматического события может оказаться, по его мнению, не менее важной, чем генеалогические таблицы в исторической этнографии.

Мы остановились подробно на исследованиях, проводимых Р. Франкенбергом, так как ему, как нам кажется, удалось нащупать тот этнографический аспект в изучении современного общества, о необходимости которого так настойчиво говорили участники симпозиума.